

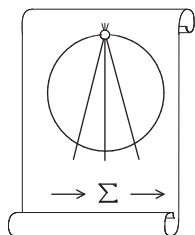
Константиновский сборник

Приложение к журналу «Математическое образование».
Серия «Образование: история, персоналии, проблемы»
Выпуск 2 (03), июнь 2019 г.

Москва, 2019

Приложение к журналу “Математическое образование”

ISSN 1992-6138

Издатель и учредитель: Фонд
математического образования и просвещения
117419 Москва, ул. Донская, д. 37

Составитель Комаров С.И.

Выпуск 2 (03), 2019 г.

©“Математическое образование”, составление, 2019 г.

В настоящем выпуске представлены воспоминания Николая Николаевича
Константинова о своих предках.

Адрес электронной почты для материалов: matob@yandex.ru

Подписано в печать 11.06.2019. Объем 2 п.л. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Воспоминания

Четыре прадеда

Н. Н. Константинов

Разбираясь в предках, сопоставляешь события их жизни с событиями истории. Те и другие оживают и приобретают новый смысл. Это подтолкнуло меня выполнить просьбу друзей рассказать о четырех линиях моего происхождения то, что я запомнил из рассказов моих старших родственников. К сожалению, я многого во-время не записал, и теперь приходится пользоваться потускневшими воспоминаниями, в которых не хватает деталей. Воспоминания я группирую вокруг четырех прадедов — Константинова Николая Николаевича (отца отца отца), Гамоуса Иосифа Антоновича (отца матери отца), Авалиани Виссариона Семеновича (отца отца матери) и Дашевского Ивана Ивановича (отца матери матери) и излагаю их в соответствующих четырех главах. В добавлениях — истории, расположенные сбоку от основных линий.

1. Константинов Николай Николаевич

Начну с его отца, Константинова Николая Семеновича, жившего в Санкт-Петербурге в первой половине 19-го века. Про него известно, что он держал, как тогда говорили, суконную фабрику и был, тем самым, одним из ранних представителей нарождавшегося класса промышленников. Для них старые сословия (мещанин, купец и т.д.) не подходили, и указом царя Николая Первого было утверждено новое сословие Потомственных почетных граждан (это же сословие указывал и мой отец на вопрос анкеты о сословии, в котором он родился). Права потомственных почетных граждан были выше, чем у купцов, но ниже, чем у дворян. Если потомственный почетный гражданин получал дворянство, то он

автоматически переставал быть потомственным почетным гражданином.

Потомственный почетный гражданин имел право ехать по городу в карете, запряженной тройкой (а я, простите, не понимаю, что — если кто-нибудь едет в тройке, мог полицейский или какой-либо начальник остановить тройку и проверить, едет ли в карете потомственный почетный гражданин, странно что-то). Потомственный почетный гражданин мог иметь дом в городе и в деревне. В отличие от купца он не был обязан ежегодно предъявлять капитал.

Девичья фамилия жены Николая Семеновича была Наливайкина, и родственники считали, что она происходила от запорожского гетмана Северина Наливайко, воевавшего с поляками, которые отрубили ему голову.

Капитал, который сколотил Николай Семенович, он не мог передать по наследству своим детям, так как он поздно женился и умер рано, когда дети были еще малолетние, а жена его тоже умерла. Управление капиталом досталось опекунам, которые вели опеку со знанием дела, так что, когда дети подросли, от капитала не осталось ни копейки.

Старший сын Николая Семеновича, Николай Николаевич (дед моего отца) унаследовал деловую активность от своего отца, но направил ее на управление чужими предприятиями. Мне известно, что он длительное время, до конца жизни, работал управляющим в имении богатого рязанского помещика Обезьянинова. В этом имении было много всего — и спиртной завод, и огромный сад (теперь совхоз “Рязанские сады”, который всю округу кормит яблоками и заработком на их уборке). Имение находилось в деревне Окулово Спасского уезда Рязанской губернии (теперь Старожиловский район). Между семьями хозяина имения и управляющего возникла тесная дружба, которая проявилась в частности в том, что возникло два породнения: один из Константиновых женился на одной из Обезьяниновых, а один из Обезьяниновых — на одной из Константиновых. Потомки этих двух семей живут сейчас в Москве (Боровые и Алифановы).

Хотя хозяин имения А.П. Обезьянинов не относится к числу моих родственников, я несколько слов о нем скажу, см. Добавление номер 1.

Дед моего отца Николай Николаевич был женат, как гласит предание, на маркизе Боде де Тунис (одна из моих теток произносила это имя

с изысканным, как мне казалось, французским акцентом).

У Николая Николаевича было три сына — Николай (старший — отец моего отца), Михаил и Данила, а также дочери Нина и Лидия. Жили они в основном в деревне, но был дом и в Санкт-Петербурге. Все дети учились у тех же домашних учителей, у которых учились и дети Обезьяниновых. Нина стала скульптором, училась у Андреева. На памятнике Гоголю, который стоит сейчас во дворике недалеко от Арбата, она сделала несколько небольших фигур на постаменте памятника.

Когда Николаю исполнилось 17 лет, его отправили в Москву, чтобы он мог получить официальный аттестат о среднем образовании. Дальше речь о нем.

В Москве он поступил в последний (шестой, по-нынешнему девятый) класс частного реального училища Мазинга — богача и просветителя, имя которого попадает в рассказах об истории образования в России. Теперь в этом помещении находится знаменитая 57-я школа — самая старая школа Москвы. В 60-е годы 20-го столетия, когда в этой школе появились математические классы, в подвалах еще стояли старинные токарные станки, на которых проходили практику учащиеся реального училища. Николай Николаевич отлично рисовал — сохранились сельские пейзажи окрестностей Окулова и более поздние автопортреты, один из которых прилагается. Но в аттестате о среднем образовании за рисование стоит тройка. Это объясняется тем, что Николай Николаевич был дальтоником и не мог выполнять обязательные цветные рисунки, так что по правилам он не мог быть аттестован по рисованию, и тройку поставили в виде исключения.

Николаю Николаевичу так понравилось учиться, что, получив аттестат о среднем образовании, он остался в реальном училище еще на год, чтобы получить дополнительную специализацию химика-технолога, так что у него от училища два аттестата (оба у меня хранятся). В те времена и в гимназиях, и в реальных училищах создавались дополнительные классы, в которых готовили к трудовой деятельности специалистов среднего звена — в гимназиях готовили учителей младших классов и домашних учителей, в реальных училищах — производственных работников промежуточного звена между рабочими и инженерами.

Но и на этом Николай не остановился — поехал в Ригу и окончил Химико-технологический техникум. Затем он совершил короткую озна-

комительную поездку в США, после чего решил, наконец, получить и высшее образование. Он окончил Аахенский политехнический университет по специальности “судовые двигатели”.

Вернувшись в Россию, он должен был устроиться на работу в частную фирму, так как иностранный диплом не давал права занимать инженерные должности в государственных учреждениях (такое право возникало, если квалификация была подтверждена специальной комиссией в Высшем техническом училище, теперь Бауманском). Это училище было одним из тех мест, где концентрировалась инженерная элита России. Другим таким местом был Коломенский паровозостроительный завод, куда и поступил на работу Николай Николаевич.

В это время знаменитый русский инженер Шухов активно сотрудничал с товариществом братьев Нобелей в Баку. Это было передовое предприятие не только в техническом отношении (чему в большой степени способствовал Шухов), но и в политическом — это было одно из первых в мире предприятий (если не первое), в котором была создана развитая система охраны труда и социальной защиты рабочих. А это была заслуга Людвиг Нобеля — одного из братьев-основателей товарищества.

До сих пор в справочниках по нефтепродуктам приводятся два стандарта керосина — русский и американский, причем русский стандарт был создан раньше американского, когда в Баку заработали крекинг-установки. Бакинский керосин полностью вытеснил американский из европейской торговли.

Шухов планировал перебраться на постоянную работу в Москву, но не мог оставить свое место, не порекомендовав товариществу своего преемника. В качестве такового, он избрал Н.Н.Константинова после того, как познакомился с ним в Коломне.

Н.Н. Константинов работал техническим директором товарищества Нобелей в Баку вплоть до национализации этого товарищества. Советская власть пришла в Баку только в 1922 году. Нобели в те годы уже уехали из России, и Константинов продолжал посылать в Швецию отчеты о работе предприятия. После национализации товарищества Константинов работал в Каспийском пароходстве, где, наконец, пригодилась его узкая специализация по судовым двигателям. В связи с этой специальностью, он был знаком с академиком А.Н. Крыловым. У меня

хранится оттиск работы Крылова с надписью: “Николаю Николаевичу Константинову с истинным уважением, ак. А. Крылов”. В 1925-1926 годах Константинов был послан в командировку за границу — он объехал несколько европейских стран с заданием — выяснить, какое оборудование желательно закупать. У меня сохранилось описание этого путешествия в пачке открыток, которые он посылал с дороги.

В конце 20-х годов Николай Николаевич был арестован одновременно с группой крупных инженеров. Сначала находился в Баку, затем в Москве в Бутырской тюрьме. По-видимому, это тот самый арест, о котором упоминается в “Архипелаге” А.И. Солженицына. Сталин только готовился к процессам над инженерами, и этот процесс он остановил, отпустив всех арестованных без предъявления обвинений и без всяких последствий для их родственников, если не считать того последствия, что Константинов в тюрьме заболел и умер.

В семье, в которой я рос, обо всей этой истории принято было помалкивать, доходили до меня только случайные обрывки воспоминаний, в частности, о бесконечных очередях, которые родственники должны были выстаивать перед тюрьмой для передачи продуктов, о свиданиях и т.п.. Говорят о бесстрашном Крылове, который заступился за арестованного Л.Д. Ландау, но не хватило у Крылова бесстрашия, чтобы заступиться за моего деда, которого он “истинно уважал” (но нельзя винить человека за недостаток героизма). О многих деталях биографии моего деда я узнал не от моего отца, а от историка Мытищинского завода Маслова, который изучает историю семьи инженера М.Е. Кнорре, и много узнал о Константиновых потому, что Лидия Николаевна Константинова вышла замуж за Кнорре.

Брат Николая Николаевича, Михаил Николаевич, был также крупным инженером. Уже во времена Хрущева, будучи пенсионером, он работал консультантом по строительству гидросооружений при Совете министров УССР.

Несколько слов о жене моего деда — матери моего отца Марии Иосифовне, урожденной Гамоус. Кудрино — имение ее отца Иосифа Антоновича Гамоуса — находилось в 15 км от Окулова. Знакомство близких соседей было неизбежно. Мой дед и моя бабушка — Мария Иосифовна венчались в церкви села Чернобаево, что находится рядом с Окуловым. Подробнее о ней — в главе о ее отце.

Детство моего отца Николая Николаевича, как и его сестры Марии (Ричи, как ее звали родственники) проходило в Кудрине, Окулове и Баку, где работал их отец. Мой папа в детстве в школе не учился, но почему-то все знал — по-русски писал абсолютно без ошибок, владел рязанским говором, наши московские соседи — выходцы из рязанских деревень признавали его за земляка. Он и с немецким был в ладах — немецкий в доме его родителей был одним из разговорных языков. В математике он был силен, по крайней мере, когда я был в восьмом классе, он решал олимпиадные задачи лучше меня, хотя его специальность была чисто инженерной. Он прекрасно играл на фортепиано, его учителем был Карл Францевич Маржек — музыкант, произведения которого издавались (некоторые у меня есть). Затем мой отец самостоятельно прошел школу игры чешского педагога Йиранека. Он играл на уровне 1-го разряда по шахматам (любимым шахматистом был Василий Смыслов).

К тому возрасту, когда надо было оканчивать школу, он был почти готов к выпускным экзаменам. Но чтобы точно подготовиться, он стал заниматься частным образом у известного учителя Константина Виссарионовича Авалиани, отца моей мамы (о нем подробнее в другой главе). В этом доме он и познакомился со своей будущей женой. А в школу он пошел только в 10-й класс, чтобы получить аттестат.

Высшее образование он получил в Московском механическом институте (теперь — МИФИ). Работал всегда в нефтяной промышленности, последние годы — в Нефтяном институте им. Губкина зав. кафедрой транспорта и хранения нефтепродуктов. Он сделал несколько крупных изобретений — на мой взгляд главных два, хотя и его кандидатская диссертация, посвященная расчету эрлифтов, достаточно интересна. Кстати, впервые использовал эрлифты для добычи нефти Шухов, так что эта диссертация вписывается в историю технических достижений Нобелей.

Одно из изобретений, если бы было внедрено, дало бы нашей стране уже в 1952 году экономию 70 млн. тонн нефти в год. Изобретение не раз включалось в число важнейших направлений модернизации нефтяной промышленности, но не нашлось исполнителя, положившего жизнь на внедрение, и ничего не произошло (а меньше чем жизнь вкладывать бесполезно).

Другое изобретение я все еще надеюсь внедрить. Оно проще, так как

не требует перестройки промышленности, дело только в моем времени.

Закончу на грустной ноте. С момента ареста моего деда мои родители жили под дамокловым мечем — ведь была практика — “бабка за дедку” — молодые люди не понимают этих слов. После смерти Сталина страх отпустил, но не прошел. Есть вещи, которые, как говорил А. Блок, кровью написаны на сердце, и это не проходит.

2. Гамоус Иосиф Антонович

По национальности он был чех, по специальности — музыкант. В Праге он женился, и уже имел детей, когда задумал переехать в Россию. Жена его, Мария Терезия, урожденная Векк, была, по-видимому, полу-немкой, судя по немецкой фамилии Векк (а один из ее дедов был, как говорят, итальянский моряк). Дочь Иосифа Антоновича — Мария родилась в Ческе Будеёвице. У меня сохранилось свидетельство о крещении в двух экземплярах — на немецком и чешском языках.

В эти годы в Чехии развилось движение младочехов, которые ставили цель добиваться независимости Чехии, всячески подчеркивая самостоятельность чешской нации. Но было и другое движение, к которому принадлежал и Иосиф Антонович. Эти чехи считали, что славяне — это единая великая нация, у которой есть великая своя страна — Россия. Эти чехи переезжали в Россию как на свою родину. Особенно много было среди них музыкантов (в Австро-Венгрии их был избыток). Среди переехавших был известный русский композитор и дирижер Э.Ф. Направник (автор оперы “Дубровский”), дирижер Большого театра В.И. Сук и другие.

Среди моих прадедов Иосиф Антонович был, возможно, самым ярким русским патриотом. Он считал себя знатоком русского языка, поправлял русских мужиков на рынке (говорил: “не рожью, а ржью” или “не стулов, а стулей” и т.п.).

До сих пор в моем доме стоит мебель, сделанная чешскими мастерами. Чешское землячество существовало в России вплоть до второй мировой войны, но после войны оно, кажется, уже не возобновилось. Младшая дочь Иосифа Антоновича, Элеонора, родилась уже в России.

У меня от Иосифа Антоновича сохранились фрак и две жилетки (все в приличном состоянии и по размерам в точности на меня).

Иосиф Антонович работал капельмейстером военного оркестра в Павловске и в Царском Селе. Музыканты не были военными, форму они надевали только для выступлений — это было их амплуа. По воскресеньям богатая публика приезжала из Петербурга провести время и развлечься. И открытая эстрада с военным оркестром была одним из таких развлечений. У Иосифа Антоновича был дом в Павловске по адресу: ул. Под Липами, д. 2. В этом доме и родился мой отец (император Павел, постро-

ивший Павловск, был поклонником всего немецкого, вот и появилась в Павловске улица Под Липами - тезка берлинской Унтер дер Линден).

Увидев этот дом, я вспомнил слова из басни Крылова “и сели на лужок под липки пленять своим искусством свет”. Я подумал: “причем здесь липки?” и у меня возникло предположение — может быть Крылов имел в виду выступление музыкантов именно на эстраде, находившейся на этой улице?

Иосиф Антонович считался очень скаредным человеком, и когда один молодой офицер взял у него денег в долг и все деньги проиграл, Иосиф Антонович требовал возврата. Он не отступал от своих требований, и наконец офицер вспомнил, что у него в Рязанской губернии есть забытое небольшое имение, и он расплатился с кредитором этим имением. Таким образом, Гамоус стал владельцем имения Кудрино, которое находилось в 15 км от Окулова (приложена фотография Иосифа Антоновича и Марии Терезии).

В этой местности вся интеллигенция была, разумеется, в знакомстве. Был среди знакомых и известный богач и меценат, хозяин Рязано-уральской железной дороги П.П. фон Дервиз, которого до сих пор местные жители вспоминают как благодетеля. Он жил в деревне, построил школу и учил в ней деревенских детей. Был композитором-любителем, сочинял романсы. После революции у него все отобрали, но он отнесся к этому спокойно, продолжал жить в деревне и работать в школе.

Его брат Е.П. фон Дервиз жил в Санкт-Петербурге. Он подарил Московской консерватории орган, на котором прикреплен дощечка с его именем. Я как-то слышал радиопередачу, в которой оба брата были положительными героями, хотя и под вымышленными фамилиями. Не знаю, насколько достоверно воспоминание, что Евгений Павлович заплатил тысячу рублей за билет на благотворительный концерт Шалляпина в пользу недостаточных студентов.

“Гамоусиху” — бабушку моего отца (Марию Терезию) до сих пор вспоминают жители соседней деревни Медведево. Семью Гамоусов в 26 году прогнали из их имения (они уехали к своей младшей дочери в Нальчик), а имение так и пустует с тех пор. Жители Медведева приходят туда за ягодами, которые все еще растут в бывшем саду.

В результате всех знакомств Мария Иосифовна (моя бабушка) стала женой Николая Николаевича (моего дедушки). Чтобы выйти замуж, ей

пришлось пройти обряд перехода в православие, называемый в народе “перекрещиванием” — название с точки зрения строгого богословия неправильное, так как креститься можно только раз. Венчались они в церкви села Чернобаево, что рядом с Окуловым, — церковь находится ныне в ужасном состоянии.

По рассказам моей мамы, Мария Иосифовна была выдающимся кулинаром. Попробовав приготовленную пищу, она вдумывалась, добавляла приправу, снова пробовала, снова вдумывалась и т.д. Мой отец запомнил несколько чешских блюд и меня научил — картофельные шишки, картофельные блины, кнедлики со сливами. Научил он меня и несколькими чешскими словам и фразам.

3. Авалиани Виссарион Семенович

Он родился в своеобразном населенном пункте, в котором жили люди с фамилией Авалиани. Это были обедневшие дворяне, ведущие фактически крестьянский образ жизни.

Но акт о присоединении Грузии к России признавал за грузинскими дворянами права русских дворян. Это открывало перед Виссарионом Семеновичем возможность военной карьеры в русской армии. У меня чудом сохранилось его личное дело от 1870 года. Это огромная папка, в которой подшиты документы. Будучи молодым офицером, он получил свою первую награду за участие в обороне Севастополя. Среди наград есть серебряная медаль “За усмирение Чечни”. Говорят, упоминание об этом офицере есть в музее Владикавказа, но я этого не видел. Службу он закончил в крепости Гуниб в чине штабс-капитана.

В деревне остался брат Виссариона, которого родственники звали дядя Сико. Он жил один, был крайне ленив и крайне гостеприимен. Печку топил бревном, которое, чтобы не рубить дрова, постепенно засовывал в горящую печку. Соскучившись, выходил на дорогу с ружьем и зазывал с помощью ружья случайного прохожего для угощения вином.

Женой Виссариона Семеновича была Мария Матвеевна, урожденная Самарина-Квашнина. У них было два сына — Вениамин и Константин. Семья переехала в Баку, и вся дальнейшая их жизнь связана с этим городом. У меня сохранилась выписка из постановления Кутаисского дворянского собрания об утверждении братьев Вениамина и Константина Авалиановых в дворянском достоинстве. Оставив себе ксерокопию выписки, сам документ я передал правнуку Вениамина Ивану Авалиани, так как он носит эту фамилию.

По окончании гимназии Вениамин Виссарионович поехал учиться в Москву — в Петровскую (ныне Тимирязевскую) академию. Шли 90-е годы 19-го века. Вениамин сблизился с группой студентов-народников. Вскоре он и еще один грузин организовали кружок по изучению марксизма. Это не был марксистский кружок, а кружок по изучению марксизма. Участники кружка, изучив марксизм, пришли к выводу, что марксизм к России не подходит. Между тем власти боялись народников больше, чем марксистов, и Вениамину пришлось провести год в одиночной камере Петропавловской крепости. После окончания академии

Вениамин всю жизнь работал учителем математики в Баку. Примерно в 1951 или 1952 году он приезжал в Москву лечить глаз. Меня он учил, как надо себя держать, чтобы не сойти с ума, если придется мне сидеть в одиночке. Я тогда был студентом МГУ и подарил ему олимпиадные книжки по математике.

Вениамин мне рассказал, что когда он после каникул ехал в Москву на пароходе, он в Нижнем встретил петербургского марксиста, который приглашал кружок, изучавший марксизм, присоединиться к группе марксистов Петербурга. Вениамин понял потом, что это был Ульянов. Приглашения из Петербурга повторялись, но не привели к сближению. Народники считали, что пролетарская революция в России невозможна, а если и произойдет, то приведет к беде. России нужно просвещение, а не революция. И Вениамин стал учителем, в полном соответствии со своими убеждениями. Когда он умер (в 1957 году), на его родственников набросились с вопросами историки. Но поздно. Поторопились бы при его жизни.

У Вениамина было два сына. О них и об их потомках - в Добавлении номер 2.

Константин по окончании гимназии также поехал в Москву. Он поступил в Московский университет на физико-математический факультет. У меня сохранились размноженные на стеклографе лекции профессора Жуковского по дифференциальным уравнениям и некоторые другие учебные материалы. Константин учился медленно и тщательно. Он потом говорил, что для освоения материала первого курса нужен не год, а по меньшей мере пять лет. При этом он занимался политикой больше, чем учебой. Через год он переехал в Петербург, поступил в университет, но с тем же успехом. Он поменял пять институтов, но высшего образования так и не получил, чем заслужил осуждение со стороны старшего брата. В Баку он работал учителем математики, сначала только в младших классах, так как не имел высшего образования. После революции это было забыто, и он работал как полноценный учитель.

В первые годы после возвращения в Баку Константин Виссарионович активно занимался политикой. Он создал в Баку небольшую политическую партию, съезд которой целиком поместился в его квартире. Моя мама была тогда маленькая (она родилась в 1908 году). Ей было интересно, что за дяди собрались у папы. На ее вопрос ее мама (моя

будущая бабушка) ответила так: “Они как большевики, только интеллигентные”. Насколько я понимаю, эта партия теоретически была марксистской, но считала, что в темной России революция приведет к хаосу, и главное для страны — просвещение. Так что Константин с братом в главном сошлись. Партия моего деда выставила кандидата в думу, но, разумеется, провалилась.

Мой дед был очень добрый. Постоянно он приводил нищих, отдавал им свою приличную одежду, пытался устроить на работу. Во всех случаях, кроме одного, нищие, получив подарок, бесследно исчезали. Но в одном случае был успех. Нищий стал работать сторожем в школе, вскоре женился на уборщице этой школы, потом эта пара жила при школе, они приходили в гости в семью моих дедушки и бабушки. Ради этой удачи можно считать, что и остальные попытки были не напрасны.

Бабушка тоже была очень доброй, но, живя с таким мужем, ей приходилось защищать дом от разорения.

Оба очень много работали — в школе в две смены, да еще имели частные уроки. Зато держали домработницу и кухарку.

У них был знакомый азербайджанец (тогда говорили татарин) инженер Мишады Азизбеков (в будущем один из 26 бакинских комиссаров). Он хотел, чтобы его сыновья хорошо владели русским языком. С этой целью он договорился с семьей моих дедушки и бабушки, чтобы его старший сын Азиз год жил в их семье. А через год его сменил младший сын Аслан. После революции связь с ними была потеряна. А на съезде народных депутатов, созванном Горбачевым, выступала директор исторического музея Азербайджана Азизбекова, по отчеству Азизовна (имя забыл), которая демонстрировала своим существованием предельную преданность коммунизму.

Пережила семья бабушки и дедушки и армяно-татарскую резню. Квартиру снимали у татарина, а пришла к своим учителям девочка-армянка. Пока шла резня, девочка пряталась в их квартире. Хозяин дома знал об этом, но гостью не выдал. Между тем шла стрельба. Пуля прострелила на бабушке юбку. И бабушка видела, как Мишады во главе группы стрелков, укрывшихся за мешками с песком, командовал "Вурды!" (не знаю, что это значит).

До революции дедушка и бабушка копили деньги, чтобы во время летних каникул совершить вместе с детьми паролодную прогулку по

Волге. И накопили к 1917 году. Доехали только до Астрахани, дальше не пускали. Пришлось снять дачу в русской деревне под Астраханью. Маме было тогда 9 лет (а ее младшей сестре 7 лет, и она была ниже ограждения палубы, и ничего не видела в дороге, но взрослые забыли об этом позаботиться). Мама вспоминала, что не было лета счастливее, и не было детской компании более дружелюбной, чем в этой деревне. На пристани стояла скульптура Николая Второго. Он уже не был царем, и на его груди был укреплен большой красный бант.

Каникулы приближались к концу, и нужно было возвращаться в Баку. Тогда были в ходу несамоходные пассажирские баржи, которые прицеплялись к буксиру. Купили билет на такую баржу. Ее добуксировали до моря и оставили на якоре на 12-футовом рейде. Надо было ждать морского буксира, но он не приходил. В стране был беспорядок, и надеяться было не на кого. Какие-то корабли проходили вдалеке. Кончались питьевая вода и пища. Мой дедушка взялся командовать, он ввел ограничение на использование питьевой воды, установил в некоторой степени дисциплину. Невдалеке проходил грузовой пароход. Дедушка через рупор просил прицепить баржу. Но пароход не реагировал. Тогда дедушка прокричал в рупор все известные ему морские проклятия. Пароход ушел за горизонт. Но вскоре появился — матросы учинили восстание и заставили капитана вернуться. Баржа прибыла в Баку с опозданием. У меня сохранилась копия объяснительной записки дедушки директору гимназии.

Все последующие годы (до 1934 г.) дедушка работал учителем то в школе, то на рабфаке. Умер внезапно от кровоизлияния в мозг. Бабушка продолжала работать до выхода на пенсию в 1940 году, после чего переехала в Москву к своей дочери — моей маме. Я тогда перешел во второй класс.

О бабушке более подробно — в последней главе.

Моя мама окончила Энергетический институт в Москве. Первое время работала в Теплотехническом институте Академии наук, но потом пришлось перейти на работу на завод Нефтегаз, чтобы сохранить право на ведомственную жилплощадь. Это была жертва. На заводе работал мой отец, и мама считала, что, работая на заводе, он губит свой талант. И она пошла на завод, чтобы отец мог заниматься научной работой. И в дальнейшем шли у нее жертва за жертвой.

Моя мама в юности была страстно религиозной. Как она стала атеисткой, я узнал от жены моего троюродного брата Мити Авалиани (внука Вениамина). Лена — крещеная еврейка, и как это нередко бывает, она оказалась православнее своего православного мужа. Она имела с мамой беседы на религиозные темы, а потом частично пересказала мне их содержание. Об этом — в Добавлении номер 4.

Последние годы мама работала в Мосгазпроекте, где, наконец, пригодились ее образование.

Перестройку она приняла с восторгом, ходила на митинги, восхищалась Горбачевым, Ельциным, Хасбулатовым и другими подобными.

4. Дашевский Иван Иванович

За несколько лет до Крымской войны Черноморское побережье было беспокойно. Присутствовали три силы: Турция, Россия и Большая кавказская война. Крепость Анапа была одной из точек, где сталкивались их интересы. Комендантом крепости был русский офицер польского происхождения Михаил Новаковский (мой прапрадед).

Во время штурма крепости Новаковский был убит, осталась вдова.

Надо сказать, что это было ее четвертое замужество. Крепость все время штурмовали, и первые ее три мужа погибали очень скоро после своей женитьбы. Чтобы выйти замуж в четвертый раз, требовалось разрешение царя, и оно было получено.

После взятия крепости турки увезли корабль с заложниками в Турцию. Среди заложников была и вдова Новаковского.

Затем в результате перемирия корабль с заложниками шел из Турции в Новороссийск. Наступил штиль, и все корабли в море замерли. У русских в это время в Черном море был, кажется, всего один пароход. Надеяться было не на что. Продукты и питьевая вода кончились, начались болезни и люди стали умирать. Умерла вдова Новаковского, но в плену у нее родилась дочь. Было известно, что ее имя Агафья. Ее принял под свою опеку полковой врач Ивановский Иван Иванович, который тоже был на корабле. Затем умерла еще одна женщина, у которой был новорожденный мальчик. Про женщину знали только, что ее фамилия Дашевская. Ивановский принял и этого мальчика.

Когда корабль прибыл, наконец, в Новороссийск, все разошлись по домам, а Ивановский вернулся домой с двумя малышами, так как их в то время больше некуда было девать.

Так они и выросли в его семье. Детей он крестил, Дашевскому дал имя Иван Иванович. Когда они подросли, он выпустил их в самостоятельную жизнь. Они поженились. Таково происхождение моих прадедушки и прабабушки, причем прадедушка — единственный из моих предков, национальность которого неизвестна.

Жизнь семьи началась в Гунибе. Это следует из того, что их дочь — моя бабушка, Елизавета, родилась в Гунибе. Потом они переехали в Баку, и я знаю что-то об их жизни со времени их переезда.

У них было несколько дочерей (примерно четыре) и один сын. Он стал инженером, работал в Черном городе на нефтепромыслах и был

убит бандитами. У него было, кажется, двое сыновей, судьба которых печальна — не избежали они тюрьмы и нищеты.

Моя бабушка была предпоследней дочерью. Она окончила Первую женскую Мариинскую гимназию в Баку. Гимназия только что открылась, и бабушка поступила в третий класс (по нынешнему счету — в шестой, так как было еще три подготовительных класса). Программа была сокращена, но что поделаешь — ведь раньше гимназии просто не было. Окончив гимназию, бабушка окончила еще один дополнительный класс, дававший право быть учительницей младших классов. Бабушка работала в школе всего 45 лет. По выходе на пенсию, она переехала к своей дочери в Москву, то есть в нашу семью. Я перешел тогда во второй класс.

Бабушка была, как я уже сказал, очень доброй. Она стала раздавать мои игрушки дворовым ребятишкам. Я был возмущен. А она говорила: “Ведь у тебя много игрушек, а у них нет ничего.” И с этим приходилось соглашаться. Еще она говорила мне: “Христос — это первый коммунист”, “Сталин — это такой же царь”, и “Имей в виду: из всех, кто сейчас сидят в тюрьмах, никто не виноват, имей в виду — никто”. Религиозной она не была, но считала себя верующей. За 17 лет жизни рядом с ней, я ни разу не видел, чтобы она посетила церковь. “Бог — это природа” — говорила она. То же самое говорил Спиноза, но я сомневаюсь, что бабушка так глубоко интересовалась проблемой, чтобы знать про Спинозу. У бабушки была набожная подруга детства — Антонина Петровна Гольцман, крещеная еврейка. Она была по-настоящему добрым человеком. Воспитала сироту — Олега Лунина. Олег погиб на войне, но остался малолетний сын — тоже Олег, и Антонина Петровна и его воспитала, правда уже не одна, а с его мамой. Ее доброты и на меня хватило — подарила мне две замечательные книжки стихов — Плещеева и Апухтина, которые она в свое время получила в подарок от родной гимназии.

Уже после смерти моей бабушки Антонина Петровна говорила: “Лиза не была крепко верующей”. Но когда они встречались, а это было часто, я ни разу не видел, чтобы между ними возникали религиозные противоречия.

У бабушки был железный характер и твердые принципы, воспитанные суровой жизнью. “В займы можно брать только в случае крайней

нужды” — говорила она. Но крайней нужды в ее жизни ни разу не случилось. Однажды из собеса ей выпала материальная помощь для нуждающихся. “Вы у нас ни разу не получали такой помощи” — сказали в собесе. “А я не нуждающаяся” — сказала бабушка, и отказалась от помощи. Во время эвакуации она настояла, что за стол надо садиться три раза в день. И это выполнялось, даже если есть было совсем нечего. Например, весной 1943 г. я собираюсь в школу, мама — на завод. Мы вместе выбегаем на пустырь, набираем молодой крапивы, бабушка кидает ее в кипяток, и мы завтракаем. В баню ходили раз в неделю, благо цены на баню были довоенные. Ложась спать, обязательно раздевались, даже если в комнате мороз (чтобы сделать уроки, мне приходилось сначала поставить бутылочку с чернилами в печку).

В 1957 году она как-то сказала: “А я вовсе не против того, чтобы умереть”. И действительно, умерла через месяц.

Теперь я перескажу что вспомню из того, что бабушка рассказывала о своем отце — Иване Ивановиче Дашевском.

На бабушкиной памяти он работал управляющим на нефтепромыслах Василия Александровича Кокорева. Судя по тому, что пишут о Кокореве, это был уникальный неповторимый выдающийся человек. Нефтяное дело было для него не главным. Но все-таки он построил в 1859 году первый в России нефтеперегонный завод. В те времена нефть добывалась и перерабатывалась первобытным способом. Нефтяной фонтан создавал нефтяное озеро, которое и было хранилищем нефти. Легкие фракции улетучивались, но они и не требовались, так как автомобилей тогда не было. Требовался керосин. Он транспортировался в бурдюках, навьюченных на верблюдов. Когда Кокорев приезжал на свои озера, его катали на золоченой лодке по этим озерам. Когда на улице холодно, в печку клали кирпичи, вымоченные в керосине (дрова в Баку - редкость). Керосин широко использовался в быту — им мыли волосы, натирали до блеска мебель. Когда бабушка переехала в Москву, она сохраняла эти привычки.

Кокорев предложил Ивану Ивановичу нефтяное озеро в подарок. Иван Иванович отказался.

Добавление номер 1

Происхождение фамилии Обезьянинов в разных энциклопедиях объясняется по-разному. Я изложу версию, услышанную от моих теток и близкую к версии одной из энциклопедий (забыл какой).

Лет через двадцать после разорения в 1237 году Рязани войском Батыея, когда жизнь в городе более или менее восстановилась, у рязанского князя Олега появился приближенный хан Безьян, служивший до этого у Батыея. Кому служил Безьян — Олегу или Батыю, не могу судить. Возможно, и тому и другому. По религии он был христианин. Надо заметить, что всё войско Батыея (как и Чингиз-хана) было по религии неоднородно. В нем были и христиане, и караимы, и мусульмане, и буддисты. Чингиз-хан мало этим интересовался. Расхождение между энциклопедией и рассказом теток только одно — был хан Безьян христианином до того, как стал служить у Олега (версия теток) или принял христианство когда перешел к Олегу (энциклопедия).

Русские звали его Обезьян (так легче произносилось). От него произошло пять дворянских фамилий — три Обезьяниновых и две Обезьяновых (версия энциклопедии). Еще есть версия, что русское название обезьяны произошло от этой фамилии, когда арабские купцы привезли этих животных, и русские люди назвали этих животных по сходству с носителями этой фамилии.

А.П. Обезьянинов написал книгу воспоминаний и издал ее на свои деньги. У меня есть экземпляр, доставшийся мне по наследству. В книге четыре главы — служба на флоте в Новороссийске, Синопский бой, оборона Севастополя и игра в карты на старости лет в Италии. Я не знаю, описан ли где-нибудь еще синопский бой его непосредственным участником.

Добавление номер 2

У Вениамина было два сына. Один был арестован и погиб в лагерях. Свидетель рассказал, что при перевозке заключенных по степи в переполненных грузовиках он выпал из машины и его пристрелили. (У Солженицына упоминаются подобные случаи.) Второй сын — Евгений — учился у В.А. Фаворского и стал художником. У меня сохранился один его рисунок. Он дружил с сыном Фаворского Никитой. Оба пошли на войну и погибли. Младшая дочь Фаворского Маша стала художником (она на три года старше меня).

У дяди Жени были дочь и два сына. Дочь Наташа окончила Московскую консерваторию по классу арфы — училась у Ксении Эрдели и Веры Дуловой (перешла к ней, поссорившись с Ксюшей). Дулова была в ужасе от чрезмерной гибкости наташиных пальцев, но обошлось. (Интересно, что у меня такие же пальцы, а ведь мы с Наташей родня только через прадеда). Жила Наташа на Арбате, в консерваторию ходила пешком, тщательно обходя дом Л.П. Берия, как и ее подруги. У арфисток, окончивших класс, была проблема устройства на работу — оркестров мало, вакансии были, по слухам, только в раю. Но Наташе повезло — у нее была грузинская фамилия — Авалиани. Представитель Тбилисской консерватории был в восторге — нашел кадр. “Почему говоришь с московским акцентом?” — укорял он Наташу. И она стала преподавателем класса арфы в Тбилисской консерватории, играла в оркестре, была руководителем группы инструментального ансамбля, дружила с грузинскими композиторами. Вышла замуж за замечательного человека — Павла Васильевича Хучуа — заведующего кафедрой теории и истории музыки. Пересказ одной из рассказанных им историй — в добавлении номер 3.

Вторым ребенком Евгения Вениаминовича был сын Юрий. Он окончил МИФИ и работал в атомной промышленности. Когда мне было 5

лет, я посадил на огороде селедку, воткнув ее в землю хвостом вниз. Научным руководителем опыта был Юра (он был для меня абсолютным авторитетом — был двумя годами старше). Сомневались только в том, будет ли селедка, которая вырастет, съедобной (тут я впервые узнал это слово). Так началась моя карьера биолога.

Третьим его ребенком был Митя Авалиани, который стал географом. Он обладал удивительным талантом сочинять всякие переворачиваемые тексты. Он погиб, попав под машину. (Митиному сыну — Ване я передал подлинник документа о дворянстве Вениамина и Константина).

Добавление номер 3

Однажды в доме отдыха Павел Васильевич Хучуа познакомился с Петро Капанадзе. Сначала я не обратил внимания, что имя знакомое, а потом вспомнил сноску в биографии Сталина (эту биографию нас, студентов заставляли учить почти наизусть): “Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине”, воспоминания тов. П. Капанадзе, 1937 г.

Как выяснилось, Капанадзе этой книги не писал. Он был вполне приличным человеком, с большевиками не был связан. Окончив духовную семинарию (ту самую, в которой учился Сталин), работал учителем в небольшом городе Западной Грузии, а в каком именно городе, я забыл. Был однажды арестован, но освобожден. Два его сына студенческого возраста не могли поступить в вуз из-за этого ареста отца.

В семинарии он был одноклассником Иосифа Джугашвили, и, спустя много лет, Сталин вспомнил о своем школьном товарище, который, повидимому, был ему зачем-то нужен.

Вот что рассказал Капанадзе (это мой пересказ с двукратного рассказа П.В., к сожалению вовремя не записанного, так что многие детали забыты).

Капанадзе жил в каморке при школе, в которой до революции жил сторож, а двухэтажный особняк, в котором была школа, до революции был домом Капанадзе (школа была в соседнем здании). Для современного читателя напомним, что советская власть пришла в Грузию в 1922 году, когда ровесникам Сталина было 43 года.

Поздно вечером стучатся. Входят двое в форме. Жена поняла, что снова арест, она в слезах и несет мешок с сухарями. “Не нужно” - говорят люди в форме, и вообще обращаются вежливо. Ведут Капанадзе по темному городу на железнодорожную станцию, там на запасных путях два вагона, вводят в первый вагон. Там много незнакомого начальства, и среди них начальник местного МВД (или как оно тогда называлось). “С

Вами сейчас будет говорить тов. Сталин” — говорят Капанадзе. Входит Сталин.

- Здравствуй, здравствуй, что забыл меня? Почему не пишешь? Адрес знаешь: Москва, Кремль, тов. Сталину. Как живешь, работаешь?

Капанадзе посмотрел на начальника местного МВД и подумал: Сталин уедет, а этот останется, жаловаться нельзя.

- Живу нормально, работаю учителем.

- Есть семья, дети?

- Два сына, поступают в Университет.

- Как квартира?

- Нормально.

И дальше недлинный формальный разговор, разумеется по-грузински.

Затем люди в форме отвели Капанадзе домой.

Утром вызывает начальник МВД.

- Ты меня спас - говорит начальник - где ты живешь?

- В каморке при школе, Вы же знаете.

- Какая школа? Это твоя квартира. Сейчас привезут мебель.

Дальше в том же духе. Скорее всего, начальник боялся, что Сталин посетит Капанадзе. Школу выбросили в полчаса, привезли мебель. Сыновей в тот же день зачислили в университет.

Но Сталин не посетил. В течение ряда лет, включая послевоенное время, Сталин посещал Капанадзе и вел беседы, касавшиеся в основном далекого времени духовной семинарии. А какие тогда были события? Вот один из примеров. Хучуа нашел в дореволюционной грузинской газете слова (перевод Хучуа, воспоминания мои): “Следует отметить замечательное выступление детского хора духовной семинарии. Особенно выделялся чистый голосок юного Сосо Джугашвили”.

Но были разговоры и на политические темы.

- Как ко мне относится народ? — интересовался Сталин.

- Народ считает тебя учителем, отцом — отвечал Капанадзе.

- Это я читал в газетах. Думать могут по-другому — настаивал Сталин.

Приходилось Капанадзе говорить и что-то негативное:

- Говорят, что с людьми не считаешься, много жертв.

- Что же делать, это естественно, ведь они защищают свою свободу.

И потом, ведь мы их счетом не принимали.

К своей матери Сталин относился пренебрежительно. “Как тут моя проблядушка?” - это перевод Хучуа с грузинского языка.

Выяснилось, как Капанадзе оказался автором книги о Сталине. Книгу написали, а Капанадзе подписал. Издать биографию Сталина без ссылок, касающихся его работы в Закавказье, было неприлично, а назначить автором книги можно было только человека, которому Сталин доверял.

Добавление номер 4

У меня никогда не было разговоров с мамой на религиозные темы. Правда, она говорила мне, что в детстве была страстно религиозной, сочиняла стихи о воскресении Христа (некоторые у меня сохранились), вникала в священное писание и т.п.

Иногда рассказывала мне о красивых церковных обрядах. Однажды после ее такого рассказа простоял всю службу "12 евангелий" в церкви духовной семинарии монастыря в Сергиевом Посаде. Но это касалось искусства — музыки, архитектуры, живописи, литературы, но никак не веры.

Но мама беседовала на религиозные темы с Леной — женой моего троюродного брата Мити Авалиани. И Лена отчасти пересказала мне историю ухода мамы от веры в бога.

Уход проходил в три этапа. Сначала она обнаружила, что священники нечестны. Но это не относится к вере в бога, не затрагивает веры в чудеса, не подрывает преклонения перед нравственным подвигом, не затрагивает отношения к заповедям. Подрывается только вера в церковь.

В юности была у мамы подруга Клара Печковская, из фанатичной еврейской семьи. Клара полюбила русского парня, и родители запретили ей сблизиться с ним. И Клара послушалась родителей, но и не изменила любимому — осталась девицей. Мама считала этот поступок нравственным подвигом, но христианство здесь ни при чем. Мама поняла, что вся система оценок поступков людей имеет твердую внутреннюю основу и не зависит от принадлежности к какой-либо конфессии.

Но и это не подрывает веры в бога — творца и защитника.

Священников же мама с тех пор считала обманщиками.

Второй этап наступил, когда моя мама поступила в институт. Механика научила рассчитывать фермы, термодинамика — тепловые установки. Чем больше знаешь — тем больше умеешь. А как быть, если ничего не знаешь? Христианство отвечает — нужно молиться. Но тут же

объясняет, что на благодать нельзя рассчитывать. Получается, что христианство приучает к чудовищной логике, рассуждая в которой, можно прийти к любым выводам, но тут же объясняет, что лучше не рассуждать.

Итак, религия не дает знаний.

На третьем этапе мама постановила для себя, что бог несправедлив. События в семьях близких, да и вся история двадцатого века постоянно подтверждали это убеждение.

Однажды мой бывший ученик, относившийся ко мне очень хорошо, набожный и считавший мой атеизм моим главным недостатком, поставил мне на подоконник бутылочку с жидкостью и сказал: “пусть она у вас постоит”. Года через два моя мама говорит: “Надоела мне эта бутылка. Может быть, в ней святая вода? Отнесем-ка мы ее в церковь на анализ”. Вот что осталось у моей мамы от прежней веры.

Но от детства, прошедшего в страстной набожности, могло ли ничего не остаться?

Осталась во-первых проповедь добра и любви к ближнему.

Во-вторых молитва, как способ сосредоточиться на мыслях о самом главном.

Далее — организованный быт общества, система красивых общенародных праздников.

И, наконец, великие искусства — литература, живопись, музыка, архитектура и многое другое.

А вера в чудеса оказалась лишней.

Мои соображения на этот счет — в добавлении номер 5.

Добавление номер 5

Прежде всего, почему я решаюсь высказаться по теме, в которой я не специалист. Священное писание я читал лишь частично, большого интереса к существованию высшего разума не проявляю, в чудеса не верю. Так не лучше ли мне помалкивать?

Нет, не лучше. Таких, как я, много.

Слово “религия” имеет корень “лига” — это значит связь. А приставка “ре” — это как в словах “ремонт”, “реконструкция”, “реабилитация” — т.е. “религия” — это установление связи. Православие имело большое значение в самоосознании русского народа (и не только русского). Но теперь оно это значение утратило. Разрушительную роль сыграло требование безусловной веры в чудеса.

Иоанн Богослов говорил, что кто не верит в вознесение Христа и его последующее воскресение, тот есть антихрист. Такая жесткость привела к тому, что Святейший Правительствующий Синод отлучил Льва Толстого от церкви, а ведь его проповедь христианских ценностей была едва ли не самой убедительной, но он именно в божественность Христа не верил.

Но решение Синода не было правдивым. Когда Андрей Андреевич Марков (математик, придумавший цепи Маркова) написал в Синод просьбу об отлучении, он получил отказ, хотя основание для отлучения было тождественным с таковым для Толстого. Отказ звучал, что великим людям — великие наказания. Лживость такого ответа очевидна.

Требование веры в чудеса не только не нужно человечеству, оно мешает людям быть единой семьей, вносит разлад в отношения между людьми.

Большинство верующих не слишком углубляются в богословие. Они не обязательно могут толково объяснить, что такое троица, но они доверяют своим пастырям — священникам. И ничто не мешает им любить

человека, хотя бы он был атеист. Так же и атеисты не обязательно воюют с верующими. И ничто не мешает тем и другим выполнять заветы Христа — “люби ближнего” и др. Люди, которые раздувают противоречия между верующими и неверующими, выступают как враги мира между людьми.

Человек с момента рождения всю жизнь занимается познанием мира, в котором он живет. Чтобы познавать, он должен быть свободен в колебаниях между убеждениями и сомнениями. Вера, Надежда и Любовь — недаром сестры. “Люби, куда любится, терпи, куда терпится, прощай, пока прощается — и Бог тебе судья” — написал Н.А.Некрасов. А если человек под настоянием учителей убедил себя, что поверил окончательно, значит его логика прогнулась, и он отчасти перечеркнул в себе естествоиспытателя.

Я объясню, что значит “логика прогнулась”.

Мы жили на даче, мне было 7 лет, я собирался идти в школу. Родители сделали мне две маленькие грядки — примерно метр длины и 30 см ширины каждая. На эти грядки я посадил землянику из лесу. Меня интересовал вопрос — почему садовая клубника крупная, а лесная земляника мелкая. Взрослые ответили мне — потому что садовую клубнику удобряют, пропалывают, поливают и делают это уже давно. В моих руках была поливка, и я много раз в день поливал грядки. На кустиках были ягодки, и мне казалось, что они стали чуть крупнее. Вот это и означает, что логика прогнулась.

Когда я учился в третьем классе, я прочитал книгу Ч. Дарвина “Путешествие на корабле Бигль”. В предисловии к тексту Дарвина (написанном, как я позже обратил внимание, профессором С.Л. Соболев) я прочитал, что приобретенные признаки не наследуются, и тут я сразу понял свое заблуждение. Это я называю — “логика выпрямилась”. Этот момент я оцениваю как шаг в таком направлении, чтобы стать естествоиспытателем.

Так зачем же богословы настаивают на чудесах?

Лидия Александровна Кронрод принадлежит к традиционному христианскому роду — ее деда и прадеды были священниками в городе Касимове на Оке. Ее слова: “Бог один и вера одна. Но руководители конфессий не могут поделить доходы, отсюда происходят религиозные конфликты”.

Общество иезуитов в наше время включилось в борьбу за справедливый общественный строй, за права человека (сведения из Википедии), наряду с миссией противостояния атеизму (вот где уши торчат: благородные дела для косметики, а правда — деньги).

Атеизм — это безбожие. Это тоже вера, потому что удовлетворительно доказать отсутствие бога вряд ли возможно — во-первых для этого как минимум надо дать приемлемое определение бога, а во-вторых — каково бы оно ни было, для доказательства отсутствия бога во вселенной пришлось бы всю вселенную проинспектировать. Отсутствие доказательства означает существование в смысле классической логики, как ее определяет Д.Гильберт. Это такое же существование, как существование пространства Лобачевского, которое не имеет отношения к пространству, в котором мы живем. Безбожие — это не то же самое, что воинственный атеизм (над которым издевался мой папа: за демонстрацией маятника Фуко в Исаакиевском соборе в Ленинграде следовал вывод: "Вот видите, Земля вертится, следовательно, бога нет").

Мир, в котором мыслит себя человек, соткан из наших понятий. Это не реальный мир, а модель реального мира. Каждый живет в своей модели, и выбор модели связан с выбором профессии. Если человек — физик, он обязан верить в то, что любая загадка природы, любое наблюдение находят законы, а чудеса, то есть незаконные явления, не существуют. У музыканта может быть другая реальность. И.С. Бах говорил, что он не сочиняет музыку, а записывает пение ангелов. А натуралист будет искать источник этой музыки в мозге человека.

Один американский институт, изучающий психологию таланта, пришел к выводу, который кажется парадоксальным: "Талант — это способность видеть очевидное". Те, кто душит голову людям обязательностью веры в чудеса, губят таланты. С древних времен существует способ захвата власти — нужно заставить поверить в невероятное, а кто не поверил — тот мертв. Так нас душили диалектическим материализмом, да и других примеров — море.

Я с детства воспитывал в себе естествоиспытателя, то есть человека, который не может остановиться в своих колебаниях между верой и сомнениями. Вспоминаю слова Сергея Прокофьева: "Композитор ищет свой стиль. Но в тот момент, когда он сказал себе, что он нашел свой стиль, он повернул назад". Так и естествоиспытатель: сказав, что он во

что-то окончательно поверил, он перечеркнул свою сущность.

Но натуралист хотел бы, чтобы модель мира была всеохватывающей. Физика не имеет границ (как в конституции древнего Рима: “Римская империя не имеет границ”). Кажется компромиссной позиция — физика описывает мертвый мир, а религия — духовный. Но, стоя на такой позиции, человек вычеркивает себя из числа естествоиспытателей третьего тысячелетия, перед которыми стоит цель — постигнуть физику духовного мира и сделать человека бессмертным.

Богословы, настаивающие на чудесах, внедряют в головы ложь, и пусть помалкивают о том, что они первые борцы за нравственность и духовность. Но я говорю не про всех. Среди них, как и всюду, люди бывают разные.

Памятник Гоголю на Никитском бульваре в Москве

Москва. Реальное училище Мазинга, ныне Школа № 57

Баку начала XX века. Вышки Нобеля

Павловск, ул. Просвещения, д. 2 (бывшая Под Липками)

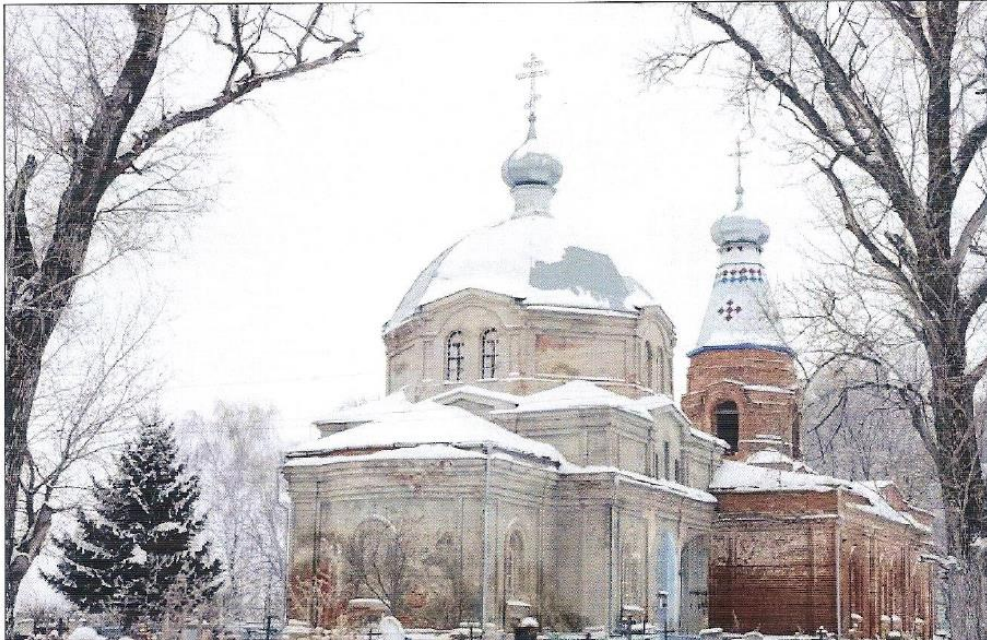

Айвазовский. Аул Гуниб в Дагестане

13109. Дагестанъ. Ауль въ развалинахъ гдѣ жилъ Шамиль (глава дегинъ). 119.

Развалины Гуниба

Храм Николая Чудотворца в селе Чернобаево Рязанской области